

Дыхание переплелось, теплое и сбивчивое.

Влажное касание губ длилось лишь мгновение — едва ощутимый, невесомый жест. То ли капли воды с зажатого фильтра перебрались на кожу, то ли сам пропитанный влагой липкий кончик оставил этот след — не разобрать, не объяснить.

Мимолётное прикосновение угасло прежде, чем успели отозваться телом рисунок губ и их жадный пыл.

Чу Тань, перехвативший сигарету прямо из губ Цзинь Цзяньсина, выпрямился первым.

Губы жгло и покалывало так, словно он прикоснулся к жгучей приправе. Электрический разряд прошел по всему телу, заставив колени дрогнуть. На миг показалось, что он вот-вот рухнет обратно Цзинь Цзяньсину на грудь. Если бы руки не оставались скрученными за спиной, а сам он не заставил себя выпрямиться, он бы точно не удержался...

Так вот какова реакция, когда находишь человека, способного утолить синдром оральной фиксации?

Точно дурманный яд: знаешь ведь, что от одного касания окатишься трепетом и онемеешь, а всё равно тянет, как намертво прикованного. Хочется прилипнуть, вжаться, впитать в себя без остатка.

Совладать с собой не получалось. Чу Тань сжал фильтр зубами — жестоко, пытался прийти в себя через эту мелкую боль. Но на сигарете остался чужой след: жар Цзинь Цзяньсина, его дыхание, влажный отпечаток...

Замкнутый круг. Бесконечная пытка, от которой невозможно отказаться.

Цзинь Цзяньсин словно улетел в небеса.

До этого он пытался разыгрывать драму, требуя от Чу Таня ласки и утешения, топя себя в игре, раздувая пожар от любого прикосновения. Он всего лишь хотел подразнить Ледяного красавца, увидеть на его обычно безучастном лице новые краски, потому и сжал его запястья, удерживая у себя на коленях.

Но он и помыслить не мог, чем всё закончится. Сколь бы изощренно Цзинь Цзяньсин ни упрямствовал — будь то в стычках или в неловких попытках сыграть «настоящую мужскую дружбу», — перед Чу Танем он всегда оказывался бессилен.

Разве мог он ожидать, что Чу Тань склонится и своими алыми губами вытянет сигарету прямо из его рта?!

Да он же не сигарету вытянул — он душу из него выудил!

Сердце забилося с такой бешеной скоростью, что мысли парализовало.

Лишь когда Чу Тань горделиво отстранился, держа сигарету губами, и устремил на него свой темный взгляд, Цзинь Цзяньсин осознал, что произошло.

Но взор его так и прикипел к влажным, полыхающим алостью губам Чу Таня, к его отсыревшим, точно у испуганного олененка, глазам и гибкому телу, которое, подобно своенравному коту, никак не давалось в руки.

Цзинь Цзяньсину до судороги захотелось забрать сигарету обратно...

Или не сигарету вовсе. Забрать эти влажные губы. Припасть к ним, подмять Чу Таня под себя, увлечь за собой, прижать к столу — да к чему угодно!

Сладостное безумие. Поддавшись порыву, Цзинь Цзяньсин подался вперед, не сводя с него глаз, и потянулся прямо к этим манящим губам...

Но Чу Тань в эту самую секунду вырвал запястья из его хватки и рванулся в сторону.

Движения разошлись буквально на миг.

Чу Тань не заметил порыва Цзинь Цзяньсина — он успел перехватить лишь его остолбенелый взгляд.

Напугал его?

Ну конечно. Как он мог так поступить? Какими бы близкими ни были друзья-гетеросексуалы, вытягивать предметы губами изо рта друг у друга — за гранью нормы.

Заметив оцепенение на лице Цзинь Цзяньсина, Чу Тань принял его за отвращение. Повинуясь инстинкту, он попытался выбраться из чужих объятий.

Он всё еще сидел у него на коленях, а под бедрами явно ощущалось твердое натяжение. Возбуждение у мужчин — реакция естественная, и сейчас раздражителем выступал именно он.

Чу Тань схватился за край стола, намереваясь подняться, но едва его бедра сместились, как сильные руки на талии сжались с удвоенной силой.

— Ты куда? — изумился Цзинь Цзяньсин.

Промедлив всего секунду, он почувствовал, как Чу Тань разительно изменился. Тот отвернулся, уткнувшись взглядом в сторону, и сзади виднелась лишь его белоснежная шея да алая капелька родинки на мочке левого уха...

Этот алый след на фарфоровой коже притягивал взгляд. Цзинь Цзяньсин судорожно сглотнул.

— Отпусти меня. Ищи ID нормальным образом, — с трудом переводя дыхание, проговорил Чу Тань.

— Одно другому не мешает! — не понял Цзинь Цзяньсин. Сердце всё еще колотилось о ребра, а у него уже забирают его сокровище! — Ну же, не дергайся. Хочешь, чтобы я быстро всё пробил — сиди спокойно.

Движения Чу Таня на его бедрах сводили с ума, выбивали почву из-под ног.

С трудом подавив зуд в губах и во всем теле, Цзинь Цзяньсин застучал по клавишам, пытаясь отвлечься. Чат раскалится, пальцы летали по клавиатуре, и наконец, нажав Enter, он выдохнул:

— Готово. Выдал.

Чу Тань едва ли воспринимал происходящее. Губы горели, физическая слабость накатывала волнами — короткого касания оказалось катастрофически мало. Он так и остался полулежать на Цзинь Цзяньсине, опираясь локтями о стол.

Услышав «Готово», он с трудом поднял взгляд на монитор.

На экране отобразился студийный портрет юноши.

Хорошо поставленный свет, легкий макияж, продуманный образ — несмотря на ухищрения, парень был действительно хорош собой.

Но реакция Цзинь Цзяньсина последовала мгновенно:

— Ху Хао?!

В его голосе прозвучало такое нескрываемое отвращение, что Чу Тань вздрогнул.

Почему он так реагирует? Из-за того, что произошло между нами пару минут назад?..

Чу Тань ощутил, как силы окончательно покидают его. Появилась какая-то глухая, апатичная

усталость.

Цзинь Цзяньсин, заметив его состояние, взвился еще сильнее. Если Ху Хао днем посмел испортить настроение его красавцу, то прощать это он не намеревался!

— Чу Тань, зачем ты вообще искал его?! Что в нем смотреть-то?!

— Он... подходил к тебе сегодня?

— Да мало ли что он болтал! Не верь ни единому слову! Ты не представляешь, какой он липкий и проблемный! — Цзинь Цзяньсин сжал руки на его талии.

Чу Тань ощущался в его руках абсолютно мягким, хрупким. Цзинь Цзяньсин боялся сжать его слишком сильно, хотя мгновение назад мечтательно представлял, как сжимает его до хруста, впиваясь в эти влажные губы...

— Да ничего особенного он не сказал, — тихо отозвался Чу Тань, еще раз бросив взгляд на фото Ху Хао, а затем переведя взор на Цзинь Цзяньсина. — Ты... так сильно его ненавидишь?

— Ещё как! — Цзинь Цзяньсин закивал, точно преданный пёс.

Чу Тань удивился. Каким бы назойливым ни был парень, стоит ли испытывать такую яростную неприязнь к красивому юноше? Или это типичная гетеросексуальная ксенофобия ко всем геям без разбора?

— А он симпатичный, — тихо заметил Чу Тань, глядя на экран.

Цзинь Цзяньсин проследил за его взглядом, и лицо его скривилось от искренней брезгливости:

— Симпатичный?! Да где там?! Ему до тебя — как до Луны пешком!

Он выпалил это не задумываясь.

Чу Тань замер.

Я красивее его?.. Но почему тогда ты так оцепенел, когда я забрал у тебя сигарету? И почему в твоём голосе столько отвращения?..

— Не говори глупостей, — глухо пробормотал Чу Тань и, поведя длинными ногами, попытался встать.

Но Цзинь Цзяньсин снова притянул его к себе:

— Я не вру! Честно! Ему с тобой даже рядом не стоять!

Он обнял его со спины, сжимая талию так крепко, словно боялся, что Чу Тань испарится.

Ощущение чужих влажных губ всё не отпускало Цзинь Цзяньсина. Ему хотелось повторить. Ещё хотя бы один-единственный раз...

Чу Тань, не в силах сопротивляться чужой хватке, медленно повернулся к нему лицом, стараясь держаться подальше от напряженного паха Цзинь Цзяньсина.

— Правда? — Чу Тань едва заметно изогнул уголок губ. — Я лучше его?

Поворот Чу Таня заставил Цзинь Цзяньсина затаить дыхание. Алая родинка на ухе вильнула перед самым его носом. Вблизи Чу Тань с его тонкой, чуть лукавой полуулыбкой походил на пленительную белую лису — холодную, но невыносимо манящую.

— Угу! — Цзинь Цзяньсин закивал изо всех сил.

— Но ты ведь всё равно с ним знаком? — В голосе Чу Таня впервые проскользнули ироничные нотки. — Говоришь, что терпеть его не можешь, а сам не сводишь глаз с экрана...

Цзинь Цзяньсин едва не поклялся на месте:

— Да я на твою родинку смотрел, а не на экран! Я знать его не хочу, он сам ко мне липнет!

— То есть, если он липнет, ты ничему не препятствуешь и просто позволяешь ему это делать?

— Нет! Ни в коем случае! — Цзинь Цзяньсин выпалил это с таким пылом, будто принимал военную присягу. — В следующий раз я просто развернусь и уйду! Начну обходить его за версту! Ни слова ему не скажу, даже в одном помещении с ним не останусь!

Чу Тань, глядя на его отчаянные заверения, наконец мягко кивнул.

Ему не было дела до чужих связей, но он не хотел, чтобы Цзинь Цзяньсин связывался с Ху Хао. Тот парень казался слишком опасным — двуличным, одержимым, готовым на любые безумства ради внимания. Чу Тань слишком хорошо знал подобный тип людей...

Цзинь Цзяньсин взгляделся в его потемневшие глаза:

— Теперь ты доволен?

— М-м?

— Я ведь такой послушный. Ты сказал не подходить к нему — я и не буду...

Цзинь Цзяньсин улыбнулся во весь рот и рывком притянул Чу Таня к себе, уничтожив оставшуюся между ними дистанцию. Его дыхание стало тяжелым, обжигающим.

— Скажи... я ведь заслужил награду?

— Награду? — Чу Тань чуть приподнял бровь и сдержанно улыбнулся. — Никаких наград.

И прежде чем Цзинь Цзяньсин успел опомниться, Чу Тань скользнул вверх, вырвавшись из чужих объятий.

Он предупредил его ради его же блага — за что тут награждать? К тому же, встретив этот слишком откровенный, голодный взгляд, Чу Тань почувствовал невольную тревогу.

Но Цзинь Цзяньсин тут же поднялся вслед за ним. Его внушительная, метровая с кепкой фигура мгновенно перекрыла путь.

— Ну уж нет... — шепло прошептал Цзинь Цзяньсин, нависая над ним и прижимая Чу Таня к краю стола. — Я хочу свою награду...

Его грудь ходила ходуном. В полутьме комнаты, подсвеченной лишь бледным сиянием монитора, их дыхание снова слилось воедино.

Чу Тань медленно приподнял лицо, а Цзинь Цзяньсин наклонился ниже...

<http://bllate.org/book/20661/2151921>